

лнографии, и т. п. Отдельно приложен список русских переводов документальных папирусов, опубликованных в советских изданиях.

Говоря о ценности монографии И. Ф. Фихмана, нельзя в то же время не отметить ряд досадных лакун, которые не могут быть поставлены автору в вину. Во-первых, греческие термины даны в латинской транскрипции, что очень затрудняет работу над книгой начинающему папирологу. Во-вторых, отсутствует имеющаяся обычно в таких пособиях краткая хрестоматия с параллель-

ным греческим текстом и с факсимиле папирусов. Без такой хрестоматии эффективность обучения резко снижается. Нечего и говорить, что зарубежные хрестоматии студенту малодоступны. Надеемся, автор в дальнейшем сумеет заполнить этот пробел.

Безусловно, «Введение в документальную папирологию» должно стать необходимым пособием для многих антиковедов и византистов и расширить источниковедческую базу отечественной историографии.

А. Б. Ковельман

Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G. Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987. 220 S. 166 Ill. 4 Kart.

В новой работе известного немецкого византиста Ф. Винкельмана, написанной им в соавторстве с искусствоведом Г. Гомолкой-Фухс, ставится задача дать целостную картину культуры Византии IV—IX вв. В книге анализируется специфика византийской культуры этого времени, мировоззрение и образ жизни византийцев, их система ценностей, отраженная в различных дошедших до нас памятниках, в том числе в различных видах искусства. При этом авторы рассматривают культуру как изменяющийся процесс, в котором принимали участие не только верхи общества, но и все остальные его слои.

Работа состоит из введения, трех больших глав («Основы культуры», «Главные образы», «Точки кристаллизации»), эпилога и приложений, куда входят список основных источников и литературы, хронологические таблицы и указатели.

Концепция книги разработана Ф. Винкельманом, им же написан весь текст, касающийся историко-культурных особенностей Византии IV—IX вв.: разделы по искусству подготовлены Г. Гомолкой-Фухс.

Каждая глава книги состоит из нескольких разделов. Так, глава «Основы культуры» включает в себя разделы о географическом пространстве, исторических цезурах и отклонениях в историческом развитии, многообразии общества. Географические представления византийцев характеризуются на основании сочинений «*Expositio totius mundi*» и «Христианской топографии» Космы Индикоплова (с. 12—15). В ходе своего анализа Ф. Винкельман делает акцент на соответствии (или несоответствии) географических познаний византийцев (в частности, относительно отдаленных областей империи и других стран) реальной действительности, обращая при

этом внимание не только на общую специфику вышеназванных произведений, но и на некоторые примечательные детали их, например стремление автора «*Expositio totius mundi*» определить точное местонахождениерая.

На наш взгляд, картина географических представлений византийцев была бы значительно полнее, если бы использовались не только собственно географические сочинения, но и произведения иных жанров, в частности труды Прокопия Кесарийского, познания которого, в силу высокой образованности и любознательности, отличались широтой и достоверностью.

В той же главе характеризуется восприятие византийцами времени, в первую очередь времени исторического, в связи с чем отмечаются такие вехи в сознании византийцев, как эпоха Константина I, Феодосия I, Юстиниана I, Ираклия и т. д., а из исторических событий на первый план выдвигаются те, которые отображают взаимоотношения византийцев с различными варварскими народами, а также персами и арабами (с. 15—19).

Несколько спорным представляется высказанное в этом разделе утверждение Ф. Винкельмана относительно реакции господствующих кругов Восточной Римской империи на упадок Западной Римской империи в 476 г. (с. 15). Как показало исследование В. Э. Каги, упадок западной части империи прошел для византийцев практически незамеченным, что отражало формирование специфически византийского самосознания, достаточно замкнутого на себе и своей территории¹.

Кроме того, следовало бы, вероятно, отметить и тот факт, что для византийцев

¹ *Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968.*

большую роль играла илущая от библейской традиции линейность исторического времени, а не его цикличность².

В разделе о многообразии общества (с. 19—29) рассматриваются проблемы многоэтничности империи (отчетливо осознаваемой византийцами и не воспринимаемой ими как некий негативный фактор), сложности социальной структуры и различий религиозных верований. Анализируя большую роль государства в империи, Ф. Винкельман вполне справедливо, на наш взгляд, подчеркивает роль государственной службы, а следовательно, должностей и титулов даже для земельной аристократии, рассматривавшей их как важный показатель социального престижа. К сожалению, за кадром остался крайне любопытный вопрос о динамике подобных представлений на протяжении столетий, ибо в IV в., например, отношение у родовитой аристократии к государственной службе было резко отрицательным, насколько позволяют судить об этом сочинения Либания и Евнапия.

В разделе об истоках культуры Византии (с. 29—41) Ф. Винкельман высчит коррективы в сложившиеся в исторической науке представления о том, что истоками византийской культуры являются римская государственность, греческая культура и христианство. Он начинает анализ наследия византийской культуры (причем делает это вполне сознательно) с христианства, поскольку видит в нем главную особенность, отличающую Византийскую империю от предшествующей ей Римской. Само христианство рассмотрено в книге как синкретическая религия, вобравшая в себя ветхозаветные и древневосточные элементы (в частности, иудейские), греческое наследие, в частности платонизм, стоицизм, и неоплатонизм, а также мистические и космические верования.

Не споря с последним утверждением, хотелось бы все-таки возразить относительно тезиса о христианстве как об основополагающей сути византийской цивилизации. Конечно, оно являлось отличительной ее чертой, но, пожалуй, чертой вторичной, поскольку дело было не в самом христианстве, а в том, что оно было воспринято обществом, в котором в силу экономических, социальных и политических причин усилилась тяга к индивидуализму и религиозности. В связи с этим хотелось бы вспомнить удачное замечание Р. Браунинга о том, что Юлиан

Отступник, человек в духе своего времени чрезвычайно религиозный, мог бы с равным успехом быть как христианином, так и язычником, и лишь чрезвычайные события его личной жизни толкнули его к язычеству³.

Завершив раздел о христианстве, Ф. Винкельман отметил огромную роль греческого наследия в византийской культуре, проявившегося в общей форме и содержания культуры, идеологии, научном методе, риторике, философии, образовании и т. д.

Что касается римского наследия, то, отмечает Ф. Винкельман, оно проявилось в сфере государственной, военной, в области политических устремлений и было воспринято главным образом правящей верхушкой общества, в то время как низы новой столицы и провинции сохраняли греческую ориентацию (с. 38—39). Нам, однако, представляется, что и в сфере государственно-политической римское влияние постепенно уступало греческому, ибо и в сфере государственной организации (как, между прочим, и в церковной, например в институте епископата) все заметнее давало о себе знать традиции античной городской общины⁴.

Переходя к восточным корням византийской культуры, Ф. Винкельман вслед за Г. Острогорским вполне обоснованно говорит не о влиянии Востока, а об одном из первоначальных составных элементов этой цивилизации, называя его протовизантийским фактором (с. 39). При этом, отмечает автор, следует отличать разные временные пласты, а также сферы и степень воздействия восточного элемента, поскольку уже греческая культура испытала на себе влияние Востока, а в эпоху эллинизма широкое распространение получили восточные религии и культы. Далее исследователь останавливается на роли восточных провинций (Египта, Палестины, Сирии и отчасти Кавказа) в формировании византийской культуры, а также воздействия на нее восточных соседей империи (прежде всего иранской и арабской культур).

Глава вторая (с. 75—136) состоит из следующих разделов: «Образ мира (теоретические предпосылки, самосознание византийцев, картина мира в искусстве)», «Главные представления о человеческом существовании (теоретические и практические представления, образ человека

³ *Browning R.* The Emperor Julian. L., 1975. P. 165—186.

⁴ *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е.* Город и государство в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах: Межвуз. сб. Л., 1982. С. 56—77.

² См., например: *Beaucamp J. et al.* Temps et Histoire. 1: Le prologue de la Chronique pascale // TM. 1979. T. 7. P. 223—301.

в искусстве)». Анализируя теоретический, точнее, теологический аспект проблемы картины мира у византийцев, Ф. Винкельман справедливо показывает огромное влияние на христианскую догматику античной философии, в частности свойственного ей восприятия мира как порядка и гармонии.

В разделе, посвященном византийскому самосознанию (с. 79—84), автор удачно, на наш взгляд, полемизирует с устоявшейся точкой зрения относительно политическо-идеологической модели императора (так называемой *Kaiser-idee*). Ф. Винкельман справедливо подчеркивает, что эта модель отражает представления лишь правящей верхушки Византии и было бы опасно отождествлять ее со взглядами на императора остальных византийцев. В то время как Евсевий заложил теологический фундамент официальной точки зрения, жития святых, рассказы об аскетах и монахах открывают, как показано в книге, иной пласт представлений об императоре, ибо в этих источниках он помещен в один ряд с другими христианскими подвижниками: мучениками, исповедниками, аскетами, святыми, отшельниками (с. 78—80).

Что же касается народных масс, то, опираясь на аккламации, произносимые ими в адрес императора, в частности в адрес Маврикия (во время его бракосочетания с Константиной в 582 г.), Ф. Винкельман показывает, что они воспринимали императора как вполне обычного человека, подвластного Богу в той же мере, как и все остальные люди. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что речь в данном случае идет об отклонении от императорской идеологии, а не об отрицании императорской власти как института и, следовательно, не о создании принципиально иной политической концепции (с. 80—81). В том же ракурсе проанализированы в работе и представления византийцев об империи (с. 81—83).

Далее в главе рассматриваются притязания византийцев на культурное превосходство, тесно связанное с принадлежностью к христианству в его православной форме. Мерило византийского и не византийского в представлении граждан империи находилось, как полагает Ф. Винкельман, в религиозной сфере в той мере, в какой они задевали сущность христианства и вопросы истинности веры. В связи с этим автор говорит об окончательном складывании уже в IV в. религиозной нетерпимости и об отсутствии теологической интеграции в Византии раннего периода (с. 83). Однако здесь, как бы противореча самому себе,

исследователь ссылается на императорские постановления, в частности на закон императора Феодосия от 27 февраля 380 г. (XVI.1.2), письмо Феодора Студита и т. д., т. е. свидетельствуя, касающиеся узкого круга верхов общества, хотя, можно было бы привести примеры, касающиеся и широких народных масс (вспомним хотя бы о зверском убийстве Ипатии).

Однако немало есть в ранневизантийской истории фактов, свидетельствующих о все еще весьма значительной роли язычества в эту эпоху и о религиозной терпимости, характерной для этого времени. Так, в окружении Феодосия, на эдикт которого сослался Ф. Винкельман, было немало язычников⁵, а археологические раскопки, произведенные, например, в Сардах, показывают, что лавки ремесленников-христиан находились в дружеском соседстве с лавками язычников и иудеев, перемежаясь между собой⁶. Вспомним, наконец, и о том, что Василий Кесарийский был в дружбе с Либанием, который, хотя и был страстным поклонником язычества, являлся корреспондентом другого известного христианина Фалассия, бывшего крупным государственным деятелем той поры, а также дружил с первосвященником иудеев Гамалиелем⁷.

Переходя к разделу о цели человеческого существования в представлениях византийцев, Ф. Винкельман подчеркивает влияние на них теологии и философии, останавливаясь затем на характеристике византийского аскетизма, нашедшего свое проявление в Византии в более разнообразных формах, нежели на Западе, что автор объясняет особенностью его истоков, в которых дали о себе знать самые разные элементы — христианский, античный, сирийский, греческий (с. 96—98).

Глава «Точки кристаллизации» начинается и заканчивается архитектурой. Начинается она с анализа так называемой репрезентативной архитектуры империи (светской и церковной), а завершается описанием жилищ основной массы населения в разделе о повседневной жизни (с. 137—141, 167—168). Несколько удивляет то, что в последнем случае в качестве примера используются жилища, обнаруженные в ходе раскопок, проводимых на территории Болгарии и Югославии. Понять авторов можно — они стре-

⁵ *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam. 1959. T. 1. P. 171.*

⁶ *Fass C. Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge (Mass.); L., 1976. P. 42—43.*

⁷ *Libanii Ep. 54, 62, 914, 918 etc.*

мились быть оригинальными, однако в работе, имеющей целью выявить наиболее характерные черты византийской культуры, вероятно, следовало бы привести и наиболее характерные примеры, привлекая данные результатов раскопок, ведущихся не на бывшей окраине империи, а в таких, например, характерных для Византии городах, как Сарды или Эфес.

В разделах главы, посвященных общественной, духовной и повседневной жизни, констатируется невозможность для большей части населения проявлять политическую активность, что привело к возрастанию роли духовной жизни и подходу к практической жизни как подготовке к жизни духовной. В сфере повседневной жизни основной массы населения Ф. Винкельман подчеркивает роль семьи. Воспитание детей в ранней Византии характеризуется им на основе критических высказываний Иоанна Златоуста в его проповедях, где великий проповедник упрекает прихожан за то, что они заботятся о детях гораздо меньше, чем о домашних животных (С. 166—167). Однако вряд ли можно столь абсолютизировать слова Иоанна Златоуста, тем более что он имел в виду духовную сторону воспитания (религиозный его аспект). Гораздо интереснее, на наш взгляд, было бы задаться вопросом о целях воспитания, о том, какими хотели видеть в будущем своих детей византийцы, причем представители разных слоев общества.

Лев Дьякон. История / Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова, отв. редактор член-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.

Как известно, у книг бывают трудные судьбы. На долю этой книги трудная судьба досталась еще до выхода в свет. Перевод сочинения Льва был выполнен М. М. Копыленко еще в 50-х годах, но долго ждал своего редактора и комментатора. Эти обязанности принял на себя в 1972 г. профессор М. Я. Сюзюмов, однако довести дела до конца не успел, недописанный комментарий дополнил С. А. Иванов, и вот наконец в 1988 г. стараниями Г. Г. Литаврина и С. А. Иванова в серии «Памятники исторической мысли» появился наконец этот ставший уже коллективным труд.

«Русский» Лев Дьякон безусловно необходим нашим ученым и интересующимся историей читателям. Дело не только в том, что «История» Льва — один из важнейших византийских источников, в том числе по нашей отечествен-

Спорным, на наш взгляд, является высказанное в этой главе соображение о том, что византийская цивилизация являлась аграрной по своей экономической сути. Если с известными оговорками так можно сказать о Византии второй половины VII—IX в., то применительно к периоду IV—первой половины VII в. для этого вряд ли есть основания, ибо Византия оставалась тогда страной городов (их насчитывалось в эпоху Юстиниана около 1200, и они не являлись по своему типу аграрными городами⁸).

Вместе с тем в главе есть и ряд тонких, интересных наблюдений. Так, музыка рассматривается здесь в тесной связи с риторикой, ибо, как удачно подметил Ф. Винкельман, музыка подчеркивала ритм языка (с. 146—147).

Несомненным достоинством книги является богатство ее иллюстративного материала, подобранного с большим вкусом и отражающего широкую научную эрудицию авторов.

Отрадно и то, что написана она в polemическом ключе, и если верно то, что книги отражают характер их авторов, то можно утверждать, что для Ф. Винкельмана и Г. Гомолки-Фухс дискуссия — одна из основных форм научной жизни. А истина, как известно, рождается в споре.

А. Чекалова

⁸ *Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert.* München, 1969. S. 13, 160—179.

ной истории. Это произведение также и весьма знаменательная веха в развитии исторической мысли и литературы. Впрочем, последнее утверждение разделяется далеко не всеми, и в том самом «Византийском временнике», для которого пишется эта рецензия, П. О. Карышковский, выражая отнюдь не только свои личные взгляды, назвал Льва Дякона «посредственным историком-подражателем»¹. Настоящее издание позволит вынести суждение о Льве гораздо большему кругу специалистов, и их мнение, можно надеяться, не совпадет с суждением П. О. Карышковского.

Книга состоит из вводных замечаний редактора, полного перевода текста

¹ *Карышковский П. О.* Балканские войны Святослава в византийской литературе // ВВ. 1953. Т. VI. С. 53.